

ИСТОРИЯ

УДК 355.455; 94(357); 94(470)

В. А. Дмитриев

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ, САСАНИДСКОМ ИРАНЕ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

В статье рассмотрены предпосылки, условия и цели реформирования военно-административной системы в Поздней Римской империи, сасанидском Иране и современной России. Обоснован вывод о том, что многочисленные параллели между позднеримской, сасанидской и российской военно-административными реформами носят закономерный характер и обусловлены сходством геополитической ситуации, в которой оказывались указанные державы на определенном этапе своего исторического развития, а также близостью военно-политических задач, которые должно было решать каждое из трех государств.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, сасанидский Иран, Российская Федерация, военно-административное деление, военные реформы, вооруженные силы, военная история, геополитика.

V. A. Dmitriev

MILITARY AND ADMINISTRATIVE REFORMS IN THE LATER ROMAN EMPIRE, SASANIAN IRAN AND CONTEMPORARY RUSSIA: on Universal Laws in Military History

The article deals with prerequisites, conditions and purposes of the military and administrative reforms in the Later Roman Empire, Sasanian Iran and modern Russia. The numerous parallels between the Late Roman, Sasanian and Russian reforms in the military and administrative spheres are of nonrandom character and caused by similarity of the geopolitical situation in which all mentioned above powers found themselves at the certain stage of their historical development, as well as by proximity of the military and political problems which every state had to solve.

Key words: the Later Roman Empire, Sassanian Iran, Russian Federation, military and administrative division, military reforms, armed forces, military history, geopolitics.

20 сентября 2010 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 1144 «О военно-административном делении Российской Федерации» [1]. В соответствии с этим документом с 1 декабря 2010 г. вся территория России была разделена на четыре военных округа: Западный, Южный, Центральный и Восточный, которые, таким образом, пришли на смену существовавшим с 1998 г. шести военным округам (Ленинградскому, Московскому, Северо-Кавказскому, Приволжско-Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному) [2].

Вместе с тем претерпела серьезные изменения и система управления российскими Вооруженными Силами. Командованию новых округов были переподчинены боевые части всех видов и родов — сухопутные войска, военно-воздушные силы, военно-морской флот, воздушно-десантные войска — находящиеся на их территории (за исключением космических войск и ракетных войск стратегического назначения) [3; 4].

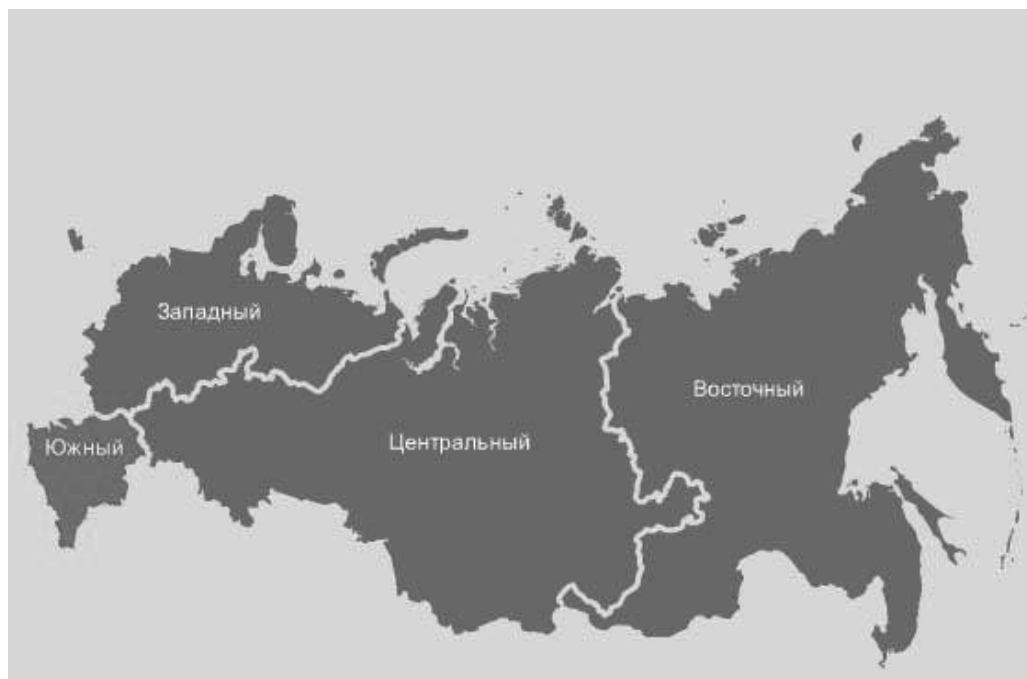

Рис. 1. Схема расположения военных округов Российской Федерации

Российская военно-административная реформа и связанные с ней структурные изменения в управлении Вооруженными Силами РФ находят одну необычайно близкую и потому крайне интересную параллель в истории военного дела древности, а именно — в военной реформе персидского царя из династии Сасанидов Хосрова I Ануширвана (531–579).

В настоящей статье мы попытаемся определить, носит ли выявленное нами совпадение случайный характер или же оно является проявлением некоей закономерности, свойственной развитию военных систем различных эпох и государств.

Как известно, основное новшество, привнесенное реформой Хосрова, заключалось во введении нового военно-административного деления Сасанидской державы и изменении системы командования персидскими вооруженными силами.

С момента возникновения Сасанидского государства в первой половине III в. и до середины VI в. персидское войско имело организационную структуру, во многом унаследованную от парфян [5, с. 45–53; 6]. Одна из ее главных особенностей заключалась в том, что сасанидская армия, помимо царского полка, состояла из контингентов, непосредственно подчинявшихся не царю, а наследственным правителям — шахрдарам (ср.-перс. *šahrdār*) — отдельных полуавтономных областей Ирана — шахров (ср.-перс. *šahr*), а также другим представителям высшей иранской аристократии — вузургам (ср.-перс. *wuzurg*) и васпухрам (ср.-перс. *wāspuhr*). В случае боевых действий именно подконтрольные им отряды составляли большинство сасанидской армии. Кроме того, непосредственное руководство сформированного таким путем объединенного иранского войска в ряде случаев вместо царя осуществлял эранспахбед (ср.-перс. *Ērān spāhbed*) [7] — командующий вооруженными силами Ирана.

Подобная система формирования и управления войсками имела, как минимум, два слабых места:

— невозможность быстрой мобилизации армии в случае серьезной военной опасности; фактически, единственным «подразделением быстрого развертывания» являлся царский кавалерийский полк, однако его относительно небольшая численность (порядка 10 тыс. человек [8, р. 6]) не позволяла решать военные задачи стратегического уровня;

— избыточная централизация военного командования, делавшая невозможным оперативное реагирование на обострение военно-политической обстановки в удаленных от Месопотамии (где находилась столица Сасанидов — город Ктесифон) частях Ирана (например, в Средней Азии).

В конечном счете, оба отмеченных фактора в определенных ситуациях могли иметь один и тот же итог: при вторжении на персидскую территорию крупных сил противника у Сасанидов зачастую уходило слишком много времени на сбор войска под царские знамена и организацию отпора врагу. Показателен в данном случае эпизод, описываемый Аммианом Марцеллином. Из его данных следует, что первое крупное воинское соединение, которое встретила армия Юлиана Отступника на сасанидской территории во время своего известного похода 363 г., появилось на пути римлян только спустя около двух недель после их вступления в персидские владения, а большое войско, способное противостоять всей римской армии, персы смогли сосредоточить лишь спустя полтора месяца (!), когда войска Юлиана уже подошли к самому Ктесифону (Amm. Marc. XXIV.1.1–2.4).

Тем не менее, в большинстве случаев на протяжении III — первой половины IV вв. негативных последствий такого рода персам, как правило, удавалось избежать, поскольку Сасаниды вели, во-первых, наступательные боевые действия, и, соответственно, владели стратегической инициативой, а во-вторых, эти войны шли, главным образом, на одном — западном — направлении, где иранская армия вторгалась в восточные провинции ослабевшей в результате кризиса III в. Римской империи. Пожалуй, единственным заметным исключением в данном отношении является римско-персидская война 296–298 гг., завершившаяся крупным поражением Сасанидов и территориальными уступками в пользу Рима¹.

Однако во второй половине IV–V вв. международная ситуация вокруг сасанидского Ирана серьезно изменилась. Прежде всего, обострилась обстановка на западной границе: преодолевшая кризис и укрепшаяся в результате реформ Диоклетиана (284–305) и Константина (306–337), Римская империя явно стремилась к реваншу за многочисленные поражения, нанесенные римлянам персами в III — первой половине IV вв., о чем красноречиво свидетельствует указание Аммиана Марцеллина на то, что к организации похода против персов Юлиана Отступника побуждало «желание отомстить за прошлое, так как он знал и слышал, что этот дикий народ в течение почти шестидесяти лет терзал наш [римский. — В. Д.] Восток жесточайшим грабежом и разбоем, и наши армии нередко были истреблены до последнего человека» (Amm. Marc. XXII.1.1). Одновременно усилилось давление на северные и северо-восточные границы Персии со стороны северокавказских и особенно среднеазиатских народов, что во многом было связано с активизацией Великого переселения народов и началом крупномасштабных этнических перемещений в степной полосе Евразии. Здесь основными противниками персов являлись аланы, сабиры, гунны, хиониты, эфталиты, кидариты и кушаны. На этом фоне участились вторжения в сасанидские владения арабских племен с территории Аравийского полуострова.

Иными словами, в середине IV–V вв. практически на всем протяжении персидских границ наблюдалось усиление военной опасности. О том, насколько, подчас, критической была ситуация, говорит тот факт, что один из правителей сасанидского Ирана — шаханшах Пероз (459–484) ок. 469 г. потерпел крупное поражение в одной из битв с эфталитами и попал к ним в плен, сумев освободиться только ценой уплаты огромного выкупа; позднее, в 484 г., попытавшись организовать ответный поход против эфталитов, он вновь потерпел поражение и погиб [9, р. 147–148]. Это был единственный случай за всю историю Сасанидской державы, когда персидский шаханшах погиб во время боевых действий.

Помимо изменившихся геополитических условий, несомненное влияние на осуществление военной реформы Хосрова Ануширвана оказал и пример главного и наиболее сильного противника Ирана — Римской империи [9, р. 588–589; 10, р. 195; 11]². Проведенные при Диоклетиане в конце III — начале IV вв. широкие государственные реформы предусматривали, в том числе, и разделение империи на четыре административных — и одновременно воен-

ных — округа, позднее, во времена Константина Великого, переименованных в префектуры: Галлию, Италию, Иллирию и Восток (рис. 2). В результате преобразований Диоклетиана так называемые тетрархи (правители и главнокомандующие в каждой из четырех областей империи, двое из которых носили титул августов, а двое других — цезарей) управляли гораздо меньшей территорией и оказались намного ближе к границам Римской империи, чем прежние императоры в I — III вв., и вследствие этого они могли более эффективно организовывать как оборону римских владений от опасных соседей, так и вторжения на вражескую территорию. Несомненно, что об этом нововведении знали и в сасанидском Иране.

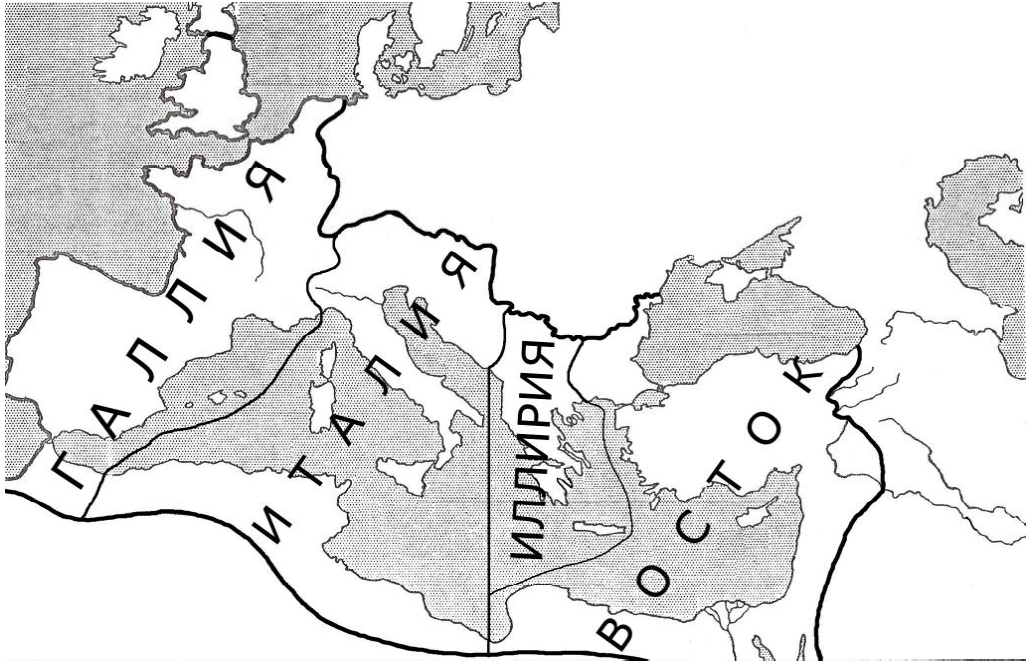

Рис. 2. Префектуры Римской империи в IV в.

Итак, к моменту вступления на престол Хосрова I слабость персидской военной системы, явно не справлявшейся со своими важнейшими задачами и уступавшей главному конкуренту в борьбе за преобладание на Ближнем Востоке — Римской (Византийской) империи, стала очевидной. Результатом осознания персидской элитой необходимости усовершенствования военной системы Ирана и стали военные реформы, проведенные Хосровом Ануширваном.

Не касаясь всех мероприятий Хосрова в военной сфере, заострим внимание на двух основных, с точки зрения поставленной нами задачи, реформах царя: на введении нового военно-административного деления сасанидского Ирана и изменении системы управления персидскими вооруженными силами³.

Говоря о новой военно-административной системе Сасанидского государства, следует заметить, что, фактически, это была даже не новая, а первая в его истории попытка создания отдельных военно-территориальных единиц, поскольку до Хосрова I подобных официально оформленных структур в сасанидском Иране не существовало. Отныне вся территория Персидской державы делилась на четыре военных округа — куста (среднеперс. *kust*, мн. ч. *kustihā*) (рис. 3), во главе каждого из которых стоял отдельный военачальник, в соответствии с сасанидской традицией именовавшийся спахбедом. В результате вместо одного военачальника, командовавшего всем иранским войском (эран-спахбеда) в Персии появилось четыре спахбеда, подчинявшихся напрямую шаханшаху:

- спахбед востока (*kust-ī xwarāsān spāhbed*);
- спахбед запада (*kust-ī xwarwarān spāhbed*);
- спахбед юга (*kust-ī nēmrōz spāhbed*);
- спахбед Адурбадагана⁴ (севера⁵) (*kust-ī Ādūrbādagān spāhbed*)⁶.

Рис. 3. Военные округа (кусты) сасанидского Ирана

Все вооруженные силы, располагавшиеся в том или ином кусте, подчинялись соответствующему спахбеду. При этом, несмотря на отмеченное выше сходство системы, созданной Хосровом, с той, что двумя столетиями раньше возникла в Римской империи, отметим, что, в отличие от цезарей и августов периода тетрархии, на территории соответствующего куста каждый спахбед обладал только военными полномочиями, поскольку гражданская власть находилась в руках царского наместника — паткоспана (ср.-перс. *pādhghōspān*). В данном отношении система высшего командования в сасанидском Иране напоминала ситуацию в Римской империи IV–V вв., где военная и гражданская власть в префектурах была распределена между военными магистрами (лат. *magister militum*) и префектами претория (лат. *praefectus praetorio*) соответственно.

Таким образом, военно-административная реформа Хосрова Ануширвана решала сразу несколько важных задач:

- придание военной системе сасанидского Ирана четкой и унифицированной структуры, что повышало ее управляемость;

- децентрализация военного командования путем передачи части полномочий, до того сосредоточенных в руках царя либо эран-спахбеда, четырем командующим военными округами; это, в свою очередь, позволяло более оперативно реагировать на изменения в военно-политической обстановке на том или ином участке границы и быстро мобилизовывать наличные вооруженные силы для отпора врагу, не дожидаясь указаний из столицы или личного присутствия царя;

- одновременно с децентрализацией военного руководства можно констатировать и обратное явление — относительную концентрацию командования в руках царя как главнокомандующего персидской армией, поскольку теперь под его властью находились не многочисленные местные властители, зачастую лишь номинально подчинявшиеся центральной власти, а четыре спахбеда, назначавшихся самим шаханшахом и, соответственно, находившихся под его полным контролем; кроме того, таким образом устранялась и потенциальная опас-

ность для царя, которая могла исходить от эран-спахбеда, обладавшего в предшествующую эпоху реальной военной силой;

— внедрение передового опыта организации военно-административной системы, накопленного главным соперником Персии — Римской империей.

Возвращаясь к военно-административной реформе в России, рассмотрим, прежде всего, событийный фон, на котором началось и продолжается в настоящее время ее реформирование.

Сразу же следует отметить, что одну из ключевых ролей в принятии решения о реформе российских военных округов сыграли события августа 2008 г., когда Российская Федерация — впервые в постсоветской истории — оказалась *непосредственно* вовлечена в качестве одной из сторон в межгосударственный вооруженный конфликт. Именно российско-грузинская война 2008 г. показала необходимость серьезных изменений в системе управления вооруженными силами с целью повышения их боеспособности, уровня скоординированности действий различных боевых частей и концентрации войсковых соединений, относящихся к разным видам и родам войск, под одним командованием [18]. Кроме того, сам факт наличия на кавказском участке российской границы Грузии — государства, с которым Россия даже не имеет дипломатических отношений, и которое претендует на вступление в НАТО, — говорит об отсутствии стабильности в данном регионе.

Очевидно, что и к западу от России на протяжении двух последних десятилетий располагаются государства, входящие (за исключением Беларуси и, отчасти, Украины) в зону влияния США, а также вступившие (либо стремящиеся вступить) в Североатлантический альянс. Согласно ныне действующей военной доктрине Российской Федерации, утвержденной в 2010 г. [19], именно НАТО является наиболее вероятным противником российских Вооруженных Сил. В свете недавних попыток размещения элементов противоракетной обороны (ПРО) в странах Центральной Европы потенциальную опасность для России, исходящую с запада, едва ли можно переоценивать.

Сложной остается обстановка и на азиатском участке российской границы. Непрерывающаяся, фактически, уже более 30 лет война в Афганистане в сочетании с сохранением здесь и в государствах Средней Азии присутствия сил НАТО заставляет обратить пристальное внимание на обороноспособность России и на центрально-азиатском направлении.

Следует также отметить и наблюдающееся на протяжении ряда последних десятилетий усиление восточноазиатского соседа России — Китая. Нарастание промышленной мощи КНР, чья экономика теперь уже официально признана второй в мире после США [20], сопровождается прямо пропорциональным возрастанием ее военного потенциала [21; 22]. Связанные с этим изменения в расстановке сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе превращают дальневосточные границы Российской Федерации в зону, нуждающуюся в особом внимании.

Наконец, нельзя обойти вниманием и ведущую державу современного мира — США, на данный момент обладающую самой современной и боеспособной армией. Безусловно, американский опыт строительства вооруженных сил является достойным изучения, а, возможно, — и заимствования (в том числе — для России). В связи с этим отметим, что с 2002 г. военно-административная система Соединенных Штатов основана на выделении шести военных командований (*combatant commands*) (в определенной мере — аналогов российских военных округов⁷) по *территориальному* принципу: Африканского (USAFRICOM), Центрального (USCENTCOM), Европейского (USEUCOM) (оно «отвечает» и за территорию России), Северного (USNORTHCOM), Южного (USSOUTHCOM) и Тихоокеанского (USPACOM) (рис. 4), — в сочетании с руководящими военными структурами, сформированными по функциональному критерию, которых на сегодняшний день насчитывается три: Командование специальных операций (USSOCOM), Стратегическое командование (USSTRATCOM) и Транспортное командование (USTRANSCOM) [23].

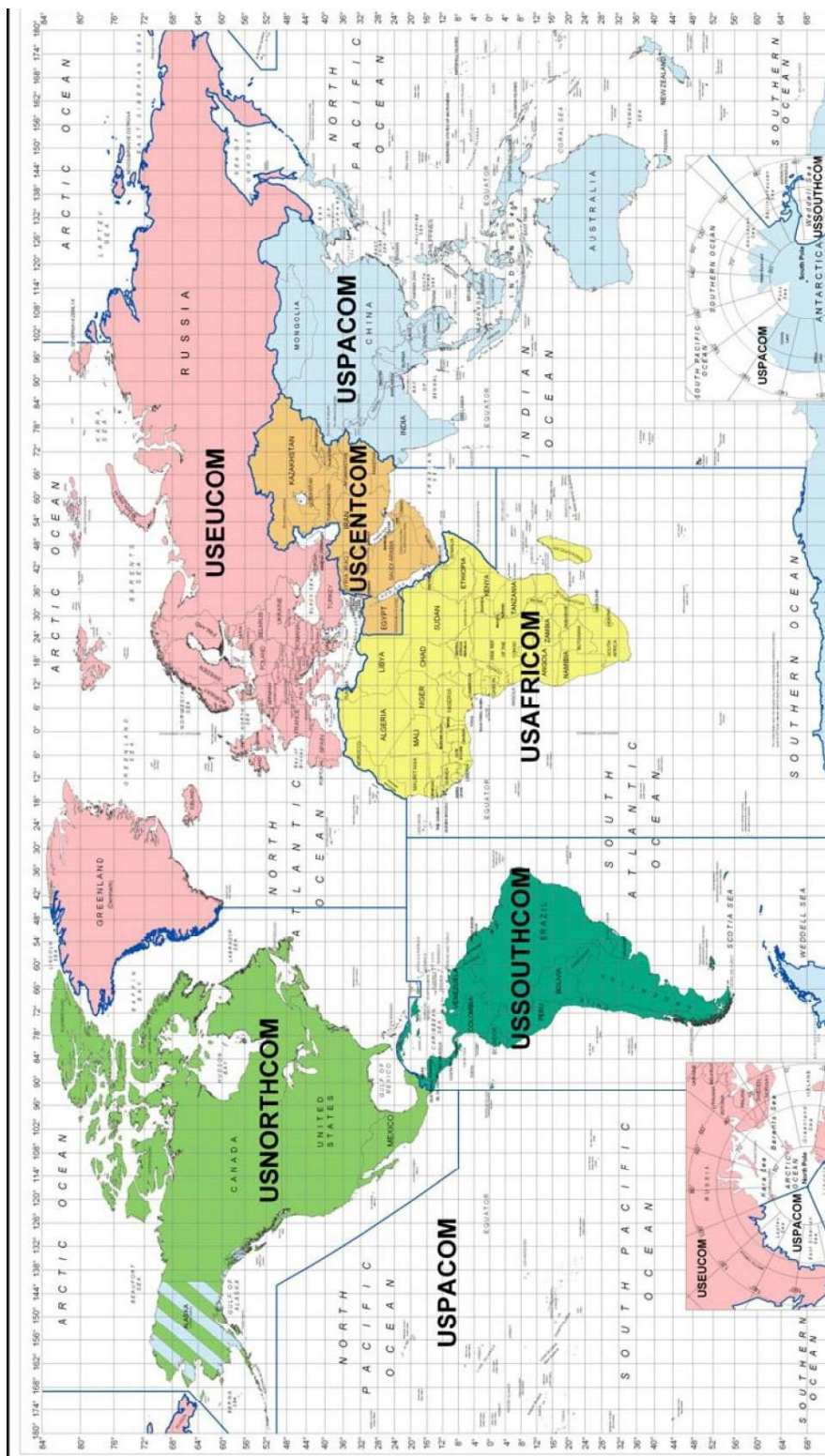

Рис. 4. Схема расположения зон ответственности военных командований США

Как мы видим, осуществлению военно-административной реформы в Российской Федерации предшествовали либо сопутствовали события, общая тенденция которых состояла, во-первых, в росте напряженности практически на всем протяжении российских границ и, во-вторых, в наличии мощной конкурирующей державы в лице Соединенных Штатов Америки, обладающих, как показывает опыт, весьма эффективной военно-административной системой, что, безусловно, оказало определенное влияние на характер реформы российских Вооруженных Сил.

В связи с вышеизложенным следует также отметить, что инициированная в 2010 г. в России военно-административная реформа с теоретической точки зрения является, по сути, одним из вариантов реализации векторного принципа обеспечения геополитических интересов Российской Федерации [24; 25], нашедшего свое отражение и в «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом России 12 июля 2008 г. [26].

Сравнивая ситуацию, в которой оказалась Россия в конце XX — начале XXI вв., Поздняя Римская империя на рубеже III — IV вв. и сасанидский Иран в середине VI в., нетрудно заметить, что на определенном этапе своей истории все перечисленные державы оказались в сходной геополитической ситуации, одной из важнейших черт которой являлось потенциально (или явно) враждебное окружение и связанная с этим необходимость реформирования военно-административной и командной систем для придания армии большей мобильности, концентрации военных ресурсов на важнейших направлениях и более оперативного принятия военных решений.

Таким образом, отмеченные нами столь тесные параллели между весьма отдаленными во времени событиями носят отнюдь не случайный характер и обусловлены, главным образом, сходством военно-политических задач, стоявших перед такими, казалось бы, разными (и в цивилизационном, и в хронологическом аспектах) государствами, как Поздний Рим, сасанидский Иран и Российская Федерация. Насколько эффективно российская военно-административная реформа позволит решить эти задачи, покажет ближайшее будущее.

Примечания

¹ Наиболее подробные сведения об этой войне и заключенном по ее итогам Нисибисском мирном договоре 298 г. приводят Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXV.7.9), Евтропий (Eutrop. IX.24–25), Фест (Fest. XXV) и Петр Патрикий (Petr. Patr. Fr. 13–14).

² Схожую ситуацию, но относительно более раннего периода (относящуюся к эпохе правления Шапура II (309–379)), можно увидеть в попытках персов создать на границах Ирана укрепленные пограничные полосы, подобные римскому лимесу [см.: 9, р. 138].

³ Подробнее о реформах Хосрова см.: [13; 14].

⁴ Адурбадаган (Атурпатакан) — область на северо-западе сасанидского Ирана, в значительной мере совпадающая с территорией современного Азербайджана [15].

⁵ Употребления слова «север» (ср.-перс. *abāxtar*) персы, будучи зороастрийцами, старались избегать, поскольку эта сторона света считалась местом обитания демонов [16; 11, р. 11; 12]. По этой причине в наименовании должности спахбеда севера слово «север» заменялось эвфемизмом «Адурбадаган».

⁶ Именно в таком порядке (в соответствии с традицией, берущей свое начало еще в ахеменидскую эпоху) четыре куста Персии перечисляются в сочинении позднесасанидской литературы «Провинциальные столицы Ирана» (*Šahrestānīhā-ī Ērān*) [16, с. 109, 112–116; 11, р. 11]. В армянском сочинении той же эпохи — «Географии» Псевдо-Моисея Хоренского — области Ирана описываются в иной последовательности: запад — юг — восток — север [17].

⁷ С той «незначительной» разницей, что в территориальном плане российские военные округа не выходят за рамки государственной границы Российской Федерации, в то время как зоны ответственности (areas of responsibility) военных командований США охватывают весь земной шар. Это — лишь одно из немногих проявлений того, что существующий мировой порядок и представление о его структуре Соединенными Штатами и Россией воспринимается совершенно по-разному. Сегодня, как и в период «холодной войны», для американского подхода к решению международных проблем характерна установка, традиционно обозначаемая как «американский глобализм», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации № 1144 от 20.09.2010 г. «О военно-административном делении Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.09.2010. № 39. Ст. 4929.
2. Указ Президента Российской Федерации № 900 от 27.07.1998 г. «О военно-административном делении Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.1998. № 31. Ст. 3839.
3. Исайченко О. С опережением графика // Взгляд. Деловая газета. URL: <http://vz.ru/politics/2010/10/22/441797.html> (дата обращения: 14.03.2011).
4. Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. URL: <http://www.mil.ru/848/1045/1272/1365/index.shtml> (дата обращения: 15.03.2011).
5. Дмитриев В. А. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
6. Никоноров В. П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. С. 141–179.
7. Gyselen R. Spāhbed // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/spahbed> (дата обращения: 09.09.2013).
8. Farrokhi K., McBride A. Sassanian Elite Cavalry. AD 224–642. Oxford: Osprey Publishing, 2005.
9. The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. by E. Yarshater. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1983.
10. Daryaee T. The Effect of the Arab Muslim Conquest on the Administrative Division of Sasanian Persis / Fars // Iran. 2003. Vol. 41. P. 193–204.
11. Daryaee T. Šahrestānīhā ī Ērānšahr. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic, and History. Costa Mesa: Mazda Publishers, 2002.
12. Tafazzoli A. Bāxtar (1) // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/baktar-west-in-modern-persian> (дата обращения: 10.09.2013).
13. Rubin Z. Kosrow I. ii. Reforms // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kosrow-i-ii-reforms> (дата обращения: 10.09.2013).
14. Gnoli G. The Quadripartition of the Sassanian Empire // East and West. 1985. № 1/3. P. 265–270.
15. Schippmann K. Azerbaijan. iii. Pre-Islamic History // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-iii> (дата обращения: 09.09.2013).
16. Хуршудян Э. Города Ирана // Иран-наме. 2010. № 3 (15). С. 108–159.
17. Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps.-Moses Xorenac'i. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.
18. Новикова А., Павликова О., Саргин А. Победа с оговорками // GZTRU. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-pobeda-s-ogovorkami-/193073.html> (дата обращения: 12.05.2011).
19. Указ Президента Российской Федерации № 146 от 05.02.2010 г. «О Военной доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.02.2010. № 47. Ст. 724.
20. Габуев А. Китай дорос до второго места // Коммерсантъ: электрон. версия газ. 15.02.2011. № 26 (4567). URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/1585808> (дата обращения: 03.04.2011).
21. Военный потенциал Китая занимает второе место в мире // Новости ВПК. URL: http://vpk.name/news/35274_voennyi_potencial_kitaya_zanimaet_vtoroe_mesto_v_mire.html (дата обращения: 12.02.2011).
22. China's Military Strength Ranks Second? Experts Say "Over-stated" // China Military Power Mashup. URL: <http://www.china-defense-mashup.com/chinas-military-strength-ranks-second-experts-say-over-stated.html> (дата обращения: 12.02.2011).

23. United States Department of Defense // URL: <http://www.defense.gov/specials/unifiedcommand> (дата обращения 12.03.2011).
24. Гацко М., Маруев А. Геополитические интересы России: векторный принцип обеспечения // Красная звезда. 2008. 13 февраля.
25. Ермаков С.М. Военные угрозы безопасности в складывающейся системе международных отношений в XXI веке // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия. М.: МОНФ, 2000. С. 85–104.
26. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108/shtm> (дата обращения: 01.03.2011).